

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

Андрей Борисович Тарасов: «В поисках идеала»

Один из молодых и перспективных ученых Московского гуманитарного университета — Андрей Борисович Тарасов добился в жизни уже многого. Выпускник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, защитил аспирантуру того же факультета, защитил кандидатскую диссертацию в 1998 г. Ввел понятие «праведника» в литературоведение, написал цикл работ по этой теме, за что и был удостоен в 2004 г. Государственной премии РФ. В 2006 г. получил грант Президента РФ как молодой кандидат наук, в конце этого же года защитил докторскую диссертацию. Основная тематика его исследований — проблема праведничества и праведников в творчестве классических русских писателей, прежде всего Л. Н. Толстого.

Будучи плодотворным исследователем, одновременно успешен как организатор науки. В 2005 г. возглавил новую структуру в составе МосГУ — Управление координации научных исследований.

— Андрей Борисович, с чего начался Ваш интерес к русской литературе и, в частности, к творчеству Толстого?

— Сознательный интерес пробудился перед поступлением в вуз. Я занимался у прекрасного наставника — профессора Владимира Алексеевича Воропаева, известного

специалиста по творчеству Гоголя. Он передавал не только определенную сумму знаний о литературе, но и живое чувство, ощущение внутренней жизни писателей и их героев, понимание духовного климата эпохи.

— А Ваши родители повлияли на ваш интерес? Ведь они тоже гуманитарии, причем отец — известный филолог.

— Да, мой отец Борис Николаевич Тарасов является ректором Литературного института им. А. М. Горького. Начинать с исследований зарубежной литературы (тоже окончил в свое время филфак МГУ), впоследствии стал одним из ведущих специалистов в области изучения русской литературы. Мама, Лия Изидоровна Тарасова — искусствовед, тоже окончила МГУ, исторический факультет. Мы все из одной alma mater.

Семейные ценности, воспитание, круг общения родителей — все это, конечно, создавало определенную гуманитарную атмосферу вокруг меня и моего брата Федора. Когда мы с ним начали серьезно интересоваться русской литературой, то уже имели возможность опереться на серьезный фундамент.

— Как развивался Ваш интерес к русской литературе?

— На первом курсе, естественно, мы изучали общие дисциплины, специализация начиналась только со второго курса. Но когда мы с братом увидели на стенде кафедры ис-

тории русской литературы объявление о семинаре «Религиозно-нравственные искания русских писателей», то немедленно записались туда. Оказались единственными первокурсниками, посещавшими спецсеминар. Однако вскоре выяснилось, что на семинаре изучали историю русской литературы конца XVIII — первой трети XIX века. Нас же с братом интересовал другой период — вторая половина XIX — начало XX века.

— *Вы решили тогда пойти своим путем?*

— Да, но не сразу. На первом курсе мы еще не были самостоятельными исследователями. Поэтому внимательно слушали выступления старшекурсников, читали, присматривались, учились, набирали материал. На втором курсе выбрали семинар, посвященный творчеству Толстого и Достоевского. С этого момента и началось наше углубленное изучение творчества этих двух писателей.

— *Что же привлекло Вас именно к этим писателям?*

— В рамках школьной программы мы с братом читали роман Достоевского «Преступление и наказание». Он заворожил особой атмосферой, не показался мрачным, как зачастую любят представлять это произведение. Наоборот, в нем чувствуется свет, раскрывается глубина духовного мира человека. Поэтому мы прочитали роман на одном дыхании, а потом появилось желание познакомиться и с другими произведениями.

Второй курс у нас был посвящен сопоставительному анализу творчества Достоевского и Толстого. Я выбрал тему детства в их произведениях. Большую помощь во время проведения первых опытов самостоятельных научных исследований мне оказал научный руководитель — доцент Нина Владимировна Николаева, к сожалению, ныне покойная. Наши с братом работы показали педагогам удачными и в этом же году их опубликовали в сборнике студенческих трудов МГУ.

Хорошо отзывался о статьях и известный, тоже ныне покойный, профессор Владимир Николаевич Турбин. Для второкурс-

ников это было достижением, но мы тогда особенно над этим не задумывались.

Окончательно на изучении творчества собственно Толстого я сосредоточился только на четвертом курсе. Этому выбору предшествовала забавная история. Мы с братом все эти годы работали в одном семинаре, исследовали творчество двух писателей одновременно. Однако на четвертом курсе нам сказали, что это перебор: два брата-исследователя изучают одних и тех же писателей. Предложили в ходе преддипломной подготовки «поделить» писателей между собой. Федор сказал: «Только Достоевский!». А у меня не было столь четко выраженного желания — в результате мне «достался» Толстой. В дальнейшем я об этом совершенно не жалел.

Обратился к анализу религиозно-нравственной проблематики в романе «Анна Каренина». У меня появилась своя версия «медленного прочтения» всем известного произведения.

— *В чем заключается оригинальность этой версии?*

— В отличие от мнения ряда литературоведов советского и даже постсоветского периодов, я высказался, что Анна Каренина не является праведницей, носителем высоких идеалов.

Смысл высказываний советских ученых заключался в том, что она стояла во главе борьбы со светским обществом и как высокоморальная женщина подвергала сомнению «идеалы» загнивающего, паразитирующего богатого сословия Санкт-Петербурга. Она бросила вызов аморальному обществу, поэтому она — герой, символ борьбы света с тьмой. После «перестройки» наметилась новая тенденция неадекватного прочтения романа. Речь идет о так называемой «христианизации» образа Анны Карениной, и не только ее, но и всего творчества Толстого. Каренина предстала как праведница и даже как христианская мученица.

Суть моего же видения заключается в том, что Анна Каренина с точки зрения Толстого не является ни борцом, ни мученицей. У нее

есть серьезные, внутренние проблемы, она просто положительный герой, но не праведница.

— *В чем различие, на Ваш взгляд, между праведником и положительным героем?*

— Положительный герой — это хороший человек, симпатии автора могут быть на его стороне. Но при этом писатель не считает его носителем высшего идеала. У положительного героя есть свои слабости, свои недостатки, в этом смысле он такой же, как и все люди. Толстой на это указывает где-то с помощью эпиграфа, где-то с помощью художественных деталей, которыми он обозначает образ героя.

Толстой демонстрирует состояние души Анны Карениной, показывая ее правду, к которой она в конце концов пришла. Эта правда оказалась созвучной правде Яшвина, однозначно отрицательного героя. В итоге Анна зашла в тупик и покончила жизнь самоубийством. Она — хорошая, искренняя, но глубоко заблуждалась. Поэтому с точки зрения Толстого Каренина не является носителем высшей правды. Кроме семи глав, посвященных исключительно ей, Толстой дает главу о Левине, как бы показывая, каким должен быть светлый путь исканий.

— *Кто же такие праведники?*

— Это герои, которые не просто имеют симпатии со стороны автора. Бывает так, что писатель и не хочет показывать их в позитивном виде, а они все равно получаются такими. Творческим людям известно такое явление, когда в процессе создания произведения герой получается не таким, каким хотел писатель. В любом тексте гениального творца можно увидеть волю авторскую и неавторскую. Если творческий человек имеет дар Божий, то этот дар проявляется в творчестве. Конечно, авторская тенденция всегда просматривается, но кроме нее появляется и кое-что иное. Это можно увидеть, если внимательно изучать сами тексты произведений.

С точки зрения Толстого, праведники — люди, которые исповедуют его идеал. Идеал Толстого — сложное явление, оно не представляет собой застывшую догму. Всем из-

вестно, что Толстой пытался создать свою религию. Но не абсолютно новую, а на основании существующих конфессий, пытаясь объединить людей разных вероисповеданий. Толстой мечтал, чтобы человечество сообща решало проблемы, и всю жизнь был в поисках, встречался с представителями разных конфессий, чтобы мечту сделать реальностью.

Поэтому его праведники — искатели. Они даже вроде бы находят высшую правду для себя и для автора, но спустя какое-то время Толстой снова не удовлетворяется найденным и принимается за поиски. У него периодически наступали духовные кризисы, причем странным образом связанные с цифрой «9»: в 1859, в 1869, в 1879 годах...

— *Если Вы отличаете толстовских праведников от положительных героев, то по логике получается, что праведники могут иметь отрицательные черты? Или я не права?*

— Все зависит от угла рассмотрения. Надо различать толстовское видение и научный подход. Анализ текста дает нам объективную картину, позволяет наметить основные добродетели и условно выделить три группы праведников: авторских, неавторских и лжеправедников. Чтобы так рассматривать проблему праведничества, мне пришлось формулировать новые термины и заниматься не только историей литературы, но и теорией.

Неавторские праведники — те герои, которых автор не считает таковыми, но кого считают праведниками окружение, общество. Изучение духовной атмосферы эпохи Толстого, сравнительный анализ произведений писателя со Священным Писанием и Преданием позволяют сделать вывод о том, что Толстой, несмотря на противостояние его с Церковью, в своем творчестве зачастую описывал именно православный идеал праведничества. Об этом свидетельствуют даже те произведения, которые были написаны им в годы обостренной борьбы со священнослужителями.

Лжеправедники имеют формальный набор признаков христианских праведников,

но на самом деле они таковыми не являются. Примером может служить образ отца Сергия из одноименной повести.

— *Какие добродетели православного праведника Вы выявили в творчестве Толстого?*

— Смирение, любовь, самопожертвование, преданность Церкви, искренняя горячая молитва, терпение.

— *Какие произведения Вы рассматривали и сколько праведников Вы там обнаружили, следуя Вашей методике?*

— Все творчество Толстого таким образом проанализировать одному исследователю нереально — ведь это девяносто томов. Однако я работал со многими текстами и брал их из всех периодов жизни писателя: раннее творчество, зрелое, после перелома 1880-х годов, позднее. Изучал как известные, программные вещи, так и неизвестные — народные рассказы, черновые наброски.

Подсчетов относительно количества выявленных праведников я не делал. Хотя это любопытная мысль... «Авторскими праведниками» можно назвать отца Сергия («Отец Сергий»), Платона Каратаева («Война и мир»), Светлогуба («Божеское и человеческое»), старца Федора Кузьмича («Посмертные записки старца Федора Кузьмича»).

К текстовым (контекстуальным), т. е. неавторским праведникам следует отнести Парфена Денисыча («Анна Каренина»), трех старцев из одноименного рассказа, Петра Михеева («Свечка») и др.

— *Насколько Толстой открыт современной читающей публикой? Адекватно ли его воспринимают, на Ваш взгляд?*

— Вокруг Толстого всегда много мифов. Развеивать их сложно, особенно в школе. В детстве, в юности я имел очень мало информации о Толстом, практически не «переживал» его духовную жизнь и творчество. Читал, как и все, «Войну и мир», писал сочинение про Наташу Ростову. Но все это было поверхностно: и формулировки тем, и попытки их однозначного раскрытия.

— *Вы верующий человек?*

— Да, я православный. Крестился в девять лет, а сознательно к вере пришел в университете, на третьем курсе, как раз в то время, когда начиналась самостоятельная исследовательская работа. В этом смысле у меня было преимущество как исследователя. Я получил доступ к информации о православии, узнавал его как бы изнутри, мог сравнивать церковную жизнь и представления о ней нецерковных людей. Читая тексты Толстого, я обнаружил в ряде описаний, что писатель критиковал не саму Церковь, ее веру и обряды, а свои представления о церковной жизни. Это очень важно для науки: различать объективную данность и субъективную оценку. В советское время исследователям было трудно изучать религиозно-нравственную проблематику, так как они не знали церковного уклада или являлись гонителями церкви. Поэтому они обходили стороной тему праведничества, с удовольствием подчеркивали тот факт, что Толстой резко выступал против православия.

— *Выявляя праведников в творчестве Толстого, характеризуя их, сравнивая с существовавшими в то время социальными идеалами праведников, Вы выходили за рамки праведничества как литературоведческого термина. Если говорить о современности, насколько такое исследование востребовано? Насколько нам нужны сейчас Толстой и обсуждение вопросов праведничества?*

— И Толстой, и его творчество нам сегодня очень нужны. Толстой — это знаковая фигура для русской культуры. К сожалению, зачастую его имя используют в корыстных целях. Например, толстовское общество в Москве трактует творчество великого писателя весьма вольно в стиле. По моему мнению, Толстой — это экуменист, друг сектантов, противник Церкви. Это все очень опасно, так как имени Толстого, его слову доверяют. Именно поэтому важно его правильно читать.

— *Говорить сейчас о праведничестве в мире других понятий, типа дегуманизация, модернизация, глобализация, вестер-*

низация вроде бы немодно. Вам не кажется это гласом вопиющего в пустыне?

— Глас в пустыне нужен всегда. Нам остро нужны позитивные темы, поиски истины, обретение правды.

— Есть ли сейчас в современной России праведники?

— Уверен, что есть. И благодаря тому, что они есть, мы держимся «на плаву».

— Где же их можно найти?

— Везде, во всех сферах деятельности.

— Даже во власти?

— Даже там. Только их не так просто называть. Настоящие праведники никогда не афишируют себя, они просто работают и приносят пользу.

— Насколько согласуется в Вашей работе вера и рациональность?

— Настоящий ученый не может быть абсолютно рациональным. Он и рационален, и эмоционален по определению, в противном случае он перестает быть глубоким исследователем. Собственно говоря, науку двигают вперед те ученые, которые сочетают в себе рациональность и эмоциональность. Известно, что человек состоит из трех частей: из духа, души и тела. Гуманитарий должен иметь в виду все эти части.

— Ваш брат Федор Тарасов также стал успешным исследователем творчества До-

стоевского, защитил кандидатскую диссертацию и был удостоен в 2004 г. президентского гранта как молодой ученый — кандидат наук. Но кроме этого, он известен своим музыкальным исполнительским талантом: имеет прекрасный бас, в его репертуаре русские народные песни, классические романсы, он постоянно выступает с концертами. А у Вас есть еще другие интересы, достижения в других видах деятельности, помимо научно-исследовательской?

— Я занимаюсь административной работой, и это мне нравится. Кроме того, у меня есть спортивные интересы: люблю командные игры с мячом (баскетбол, футбол, волейбол). Выступал на спортивных соревнованиях за школьную команду, за команду филологического факультета МГУ.

— Вы сами считаете себя праведником?

— Нет. Узнав немало о праведниках, я еще отчетливее понял, что не могу считать себя таковым. В этом смысле у меня есть цель, к которой я лично должен стремиться. Именно поэтому для меня изучение праведничества является не теоретическим рассуждением или интеллектуальной игрой, а исследованием, нацеленным на результат и практическое применение.

Беседовала

Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ